

Сян Бэй аккуратно поставил машину на подземной парковке прямо под камерой наблюдения. Мэн Наня он наверх не взял, оставив его в машине сторожить эту чрезвычайно важную партию «товара».

Вернувшись в съёмную квартиру один, Сян Бэй тут же принялся за дело.

Сначала он запихнул в рюкзак несколько комплектов сменной одежды и все ценные вещи.

Затем в огромный 34-дюймовый чемодан отправились ноутбук, планшет, графический планшет, всевозможные зарядные кабели и переходники. Всё лежало вроде бы беспорядочно, но на самом деле продуманно; чемодан оказался забит почти до отказа.

Напоследок оставалось разобраться с Трещоткой и его имуществом: кормом, запасной подстилкой и изящной клеткой.

На всё остальное Сян Бэй даже не взглянул — без колебаний бросил.

Когда он закончил, квартира выглядела так, будто по ней пронёсся смерч: пусто и одновременно разгромлено.

Внезапная суета до смерти перепугала Трещотку. Попугай нервно хлопал крыльями на жердочке и без остановки выкрикивал то «Папа!», то «Придурок!».

Сян Бэй спускал вещи вниз в три захода. Каждый раз, когда он уходил и дверь захлопывалась, из квартиры всё отчаяннее доносилось:

— Папа, придурок!

Даже уходя в последний раз, он ещё слышал сквозь дверь возмущённые жалобы попугая.

Мэн Нань внизу действовал с ним в полном согласии: всякий раз, когда Сян Бэй приносил вещи, он развязывал тент, ловко размещал багаж в промежутках между ящиками с луками и арбалетами, а затем снова туго всё стягивал.

Когда Сян Бэй в последний раз поднялся за Трещоткой, оказалось, что эта глупая птица уже почти сорвала голос и даже начала издавать обиженное, испуганное «уа-уа», совсем как младенец у соседей. Похоже, Трещотка и правда решил, что его бросили.

— Ах ты, сын-придурок! Когда это я говорил, что ты мне больше не нужен? — Сян Бэй и сердился, и жалел его.

Ругаясь, он отстегнул цепочку с лапки попугая и закрепил её у себя на запястье, посадил Трещотку на плечо, а затем принялся кое-как разбирать тяжёлую стойку из стальных труб.

В конце концов он появился на парковке в совершенно жалком виде: в одной руке тащил трубчатую стойку, в другой — миску для воды и кормушку, а на плече сидел немаленький серый попугай. Мэн Нань к тому времени уже всё уложил и, увидев его, не удержался от смеха.

Машина медленно выехала из жилого комплекса.

Мэн Нань попросил Сян Бэя немного подождать у обочины, а сам отправился в магазины вдоль улицы.

Вскоре он вернулся с двумя огромными пластиковыми пакетами.

Сян Бэй с любопытством заглянул внутрь. В одном были сметённые с полок круглосуточного магазина лапша быстрого приготовления, вода в бутылках, сосиски, чипсы, острые пшеничные полоски и прочие закуски. Во втором — жареная курица, говядина в соевом маринаде, свиные уши, утиные головы, шеи и другая аппетитная готовая еда.

Сян Бэй сразу расплылся в улыбке:

— Вот за это я тебя и люблю! Ты меня понимаешь!

Мэн Нань потрепал его по растрёпанным кудрям и мягко сказал:

— Нам больше двух тысяч километров ехать. Нельзя же моему Бэйбэю голодать.

Сян Бэй от этого окончательно взлохматился и сердито запротестовал:

— Хватит всё время трогать мои волосы! Я вообще-то на три года тебя старше. Совсем старших не уважаешь!

Мэн Нань ухмыльнулся и, намеренно понизив голос, многозначительно ответил:

— Старшинство можно и не соблюдать. Главное — не путать, кто сверху, а кто снизу.

Так, препираясь и дурачась, они выехали на скоростную трассу и помчались на север.

В машине царил лёгкая, весёлая атмосфера. Это было совсем не похоже на бегство от конца света — скорее на внезапное романтическое путешествие вдвоём.

—

Их целью была отдалённая деревушка в уезде Тахэ провинции Хэйлунцзян, глубоко в Большом Хингане, неподалёку от российско-китайской границы.

От Пекина — больше двух тысяч километров.

Всю дорогу они не позволяли себе расслабляться. На придорожных зонах отдыха старались не задерживаться, а уж ночевать в гостинице и вовсе не решались.

Ничего не поделаешь: партия блочных арбалетов в кузове была настоящей бомбой замедленного действия. Они боялись и воров, и того, что груз обнаружат на каком-нибудь дорожном посту.

За рулём сменялись каждые четыре часа.

Когда удавалось, сворачивались калачиком на заднем сиденье и немного спали. Когда сон не шёл, врубали автомобильную аудиосистему так, что гремело на весь салон, и прогоняли усталость бодрой музыкой.

Трещотка редко куда-то ездил, и хотя цепочку с его лапки пристегнули к дверной ручке, ограничив свободу перемещений, восторга у попугая от этого не убавилось.

Он перелетал с переднего сиденья на заднее и обратно, хлопал крыльями и ни на минуту не замолкал:

— Папа! Папа! Папа!

Когда включалась музыка, Трещотка вставал на спинку сиденья и подпрыгивал в такт, будто танцевал в клубе.

Во время отдыха Мэн Нань кормил его крупными фисташками, а заодно указывал на сидящего за рулём Сян Бэя и серьёзно учил:

— Мама!

Сян Бэй через ткань штанов так больно ущипнул его за внутреннюю сторону бедра, что Мэн Нань, смеясь, прекратил этот урок.

Но вскоре снова неугомонно показал на Сян Бэя и начал учить Трещотку новому:

— Папа — красавчик!

Через двадцать часов пикап наконец съехал со скоростной трассы, благополучно миновал уездный центр и выехал на асфальтовую дорогу, ведущую в деревню.

По обеим сторонам дороги стояли, словно часовые, высоченные, в несколько десятков метров, тополя. Густая листва переплеталась над головой, образуя бесконечный зелёный свод — огромный природный навес от солнца.

Был полдень. Яркие солнечные лучи с трудом пробивались сквозь щели между листьями и рассыпались по тёмному асфальту бесчисленными подвижными бликами, словно дорогу присыпали мелкой сверкающей золотой пылью.

В начале июня на Северо-Востоке Китая стояла идеально прохладная погода — около двадцати градусов.

Они выключили кондиционер и с удовольствием опустили окна.

В салон мгновенно ворвался прохладный воздух, пахнувший травой, чернозёмом и зеленью. От него становилось легко дышать.

Куда ни посмотри — весь мир был залит живой молодой зеленью всевозможных оттенков.

Вдали тянулись волнистые горы, похожие на тёмно-зелёные волны, и мягкими линиями очерчивали горизонт.

Поблизости до самого края неба лежали поля, где посевы только набирали силу. Ровные борозды уходили вдаль, и в этой земле чувствовалась особая спокойная жизненная мощь.

Сян Бэй едва не наполовину высунулся из окна и жадно вдыхал знакомый воздух, по которому успел истосковаться. Грудь наполнилась давно забытыми покоем и свободой.

— Какая красота! — не удержался он, а затем взгляд немного потускнел. — Жаль только... любоваться этим осталось максимум два месяца...

— Всё наладится, — спокойно и твёрдо сказал Мэн Нань. Одной рукой он держал руль, а другой мягко сжал ладонь Сян Бэя. — Мы должны верить в государство. Мы не знаем, что именно будет после начала конца света, но я уверен: настолько экстремальные условия не могут продолжаться вечно. Рано или поздно всё станет лучше.

Они ехали по живописной сельской дороге ещё около часа, пока наконец не въехали в родную деревню Сян Бэя, устроившуюся среди гор у воды.

Чистая асфальтовая дорога шла прямо через деревню.

По обе стороны стояли аккуратные большие дома из серого кирпича, а новые красные крыши из профнастила сверкали на солнце, придавая им нарядный вид.

Хотя в деревне насчитывалось всего чуть больше десятка дворов, у каждой семьи был огромный участок. Почти везде стояла крупная сельскохозяйственная техника, легковые машины, небольшие грузовики и другой транспорт. Во всём ощущались достаток, спокойствие и крепкое хозяйство.

Эта процветающая, чистая и зажиточная деревня совершенно не походила на отсталую, глухую северо-восточную глубинку, которую представлял себе Мэн Нань. И впервые с момента решения поехать сюда вместе с Сян Бэем он почувствовал настоящее облегчение и радость.

<http://bllate.org/book/20311/2028152>